

УДК 94:342.56(571)

РЕФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Крестьянников Е.А.*ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Тюмень, e-mail: krest_e_a@mail.ru*

В статье на основе источников, главным образом, вводимых в научный оборот впервые, изучаются важнейшие проблемы развития мирового суда в Tobolsk и Tomsk provinces. В конце XIX столетия в ходе реализации судебной реформы 1864 г. он устанавливался там с существенными особенностями, например, на ближайших к населению судей, кроме собственно судейских обязанностей, возлагались функции следователей, их штат и финансирование были весьма ограниченными. Улучшить положение судебного персонала и дело правосудия предназначались мероприятия 1911 г., направленные на увеличение численности чиновников юстиции и рационализацию их деятельности. Однако в поздней имперской России политика самодержавия, прежде всего, на окраинах страны, характеризовалась малой способностью на эффективные и быстродействующие обратные связи с социальной практикой и не могла учесть многообразие потребностей общества в правом суде. В результате принятые меры оказались недостаточными, мировых судей по-прежнему не хватало, их успешной службе, как и раньше, препятствовал дефицит материальных ресурсов, а, действительно, положительное значение имело изъятие из круга деятельности последних следовательской работы.

Ключевые слова: мировой суд, судебная реформа, Западная Сибирь

REFORMING OF WORLD JUSTICE OF WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Krestyannikov E.A.*Tyumen State University, Tyumen, e-mail: krest_e_a@mail.ru*

In the article the most important problems of development of world court in the Tobolsk and Tomsk provinces are studied on the basis of the sources, mainly, introduced into scientific circulation for the first time. It was established with essential features there at the end of the XIX century during realization of judicial reform of 1864. For example, the functions of the investigators were assigned to the judges who was close to the people in addition to their judicial duties, and their staff and funding were very limited. The actions of 1911 directed on increase in number of officials of justice and rationalization of their activity were intended to improve position of the judicial personnel and business of justice. However in late imperial Russia the policy of autocracy, first of all, on suburbs of the country, was characterized by small ability on effective and high-speed feedback with social practice and could not consider variety of needs of society for the right court. As a result the taken measures were insufficient, magistrate judges were still not enough, deficiency of material resources interfered with their successful service as before, and the removal of the interrogation from the work of judges really had a positive value.

Keywords: world court, judicial reform, Western Siberia

Судебные уставы Александра II вводились в Сибирь в соответствии с «Временными правилами» от 13 мая 1864 г., устанавливавшими в крае особый тип мировой юстиции: отсутствовали съезды мировых судей, на судей возлагались обязанности исполнения поручений окружных судов, выезды в ближайшие к месту разбирательства дел населенные пункты, чрезвычайно повышались пределы компетенции мирового суда, в руках судейских чиновников сосредоточивались не только судебные, но и следовательские функции, они не выбирались, а назначались.

Штат учрежденной юстиции был мал. Первоначальный состав участковых мировых судей включал в Tobolsk губернии 37 служащих, в Tomsk — 32 [14]. Выбранный метод подсчета необходимого количества судебных работников оказался неправильным. Поскольку сибирским судьям предписывалось исполнять две основные обязанности, для них механически, забыв про специфические сибирские

условия, в частности, большие расстояния, не считаясь с тем, что им предписывалось исполнять и дополнительные функции, уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы нагрузок судей и следователей. Сибирским судьям-следователям предлагалось разбирать ежегодно не более 500–600 дел мировой юрисдикции и 70–80 следственных дел [7, л. 158–162]. На практике такой подход выявил полную несостоятельность, служители Фемиды не справлялись со всем объемом взваленной на их плечи работы. Например, к 1909 г. в Tomsk губернии остались нерешенными 24015 уголовных дел мировой подсудности, в Tobolsk — 9729. С данными показателями западносибирский мировой суд прочно занимал первое место по волоките среди таких же учреждений империи [21, с. 226–230].

Благодаря инициативам лично министра юстиции Н.В. Муравьева, возглавлявшего ведомство в 1894–1905 гг., одержимого мыслью сберечь казенные средства и пре-

небрегавшего принципами независимости суда, судебная система устанавливалась в Сибири с существенными особенностями [12], а порядок соединения в одних руках функций судьи и следователя являлся его навязчивой идеей. Известно, вдруг какой-нибудь сибирский мировой судья намеревался встретиться с министром юстиции, его предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно – поставите себе крест; он не выносит такого мнения» [1]. Десятилетний опыт функционирования мирового суда в Сибири, однако, продемонстрировал: объединять столь разнородные функции было нецелесообразным и неприемлемым [13].

Явно недостаточными являлись суммы, выделяемые на покрытие канцелярских расходов, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств» [19]. Вообще, у судей зачастую отсутствовали деньги на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей – сейфов, мебели, на что они тратили свои собственные деньги, живя в долг. Иногда мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, в связи с чем их преследовала простуда, в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей [11].

Таким образом, мировая юстиция требовала совершенствований, и голоса об их необходимости стали звучать особенно громко после отхода Н.В. Муравьева от министерского руководства. В 1908 г. председатель Омской судебной палаты Ф.Ф. фон Паркау, считая штат местных судов недостаточным, просил у Министерства юстиции его увеличения [4, л. 3 об.]. Министру юстиции И.Г. Щегловитову пришлось констатировать, что объем делопроизводства западносибирских мировых судей «в значительной мере превышал признаваемое для них нормальное количество служебной работы», и, с некоторой задержкой, дать движение поставленному сибирским начальником вопросу [18]. Законом от 28 мая 1911 г. дополнительно устанавливалось 14 должностей мировых судей в Tobольской губернии и 21 должность в Томской [15].

Между тем, к рубежу первого и второго десятилетий XX в. чиновничьи круги «щегловитовского» министерства осознали, что соединение функций судьи и сле-

дователя в руках мировых судей вредит отправлению правосудия. В 1910 г. в связи с предположением об увеличении штата сибирского мирового суда И.Г. Щегловитов высказал мысль о необходимости членения в Западной Сибири мировых участков на участки с мировой подсудностью и участки следственные [8]. Эту инициативу всецело поддержал председатель Омской судебной палаты. Он писал в Министерство юстиции: «Разделение следственных и мировых обязанностей, возложенных ныне в округе Омской судебной палаты на мировых судей, в высшей степени желательно в интересах дела, ибо опыт совмещения этих обязанностей в одном лице мирового судьи достаточно доказал, что такое совмещение отражается вредно как на следственной, так и на судебной частях». По его мнению, «мировые судьи-следователи могли бы быть оставлены в крайнем случае лишь в местностях малонаселенных, с малым возникновением дел, каковыми являются в вверенном мне округе палаты северная часть Tobольского уезда и уезды Березовский и Сургутский» [4, л. 3]. Последовательным сторонником деления судебных и следственных полномочий являлся tobольский губернатор Д.Ф. фон Гагман. Во всеподданнейшем отчете за 1909 г. он, констатируя, что «труд мировых судей достиг огромных размеров и справиться с ним, исполняя обе функции (судьи и следователя), стало непосильным», настаивал на «полной необходимости разделения функций мировых судей и судебных следователей» [17]. Соображения указанных руководителей в полной мере учитывало преобразование мирового суда 1911 г.: по новому распределению участков мировых судей в Tobольской губернии осталось 6 «смешанных» судебносудственных участков из 54-х [9], в Томской – всего 4 [6].

Тому закону предшествовали несколько лет кропотливого труда, в ходе которого судебные чиновники хотели узнать главное: сколько необходимо сотрудников мировой юстиции Западной Сибири, чтобы та эффективно функционировала. Для выяснения этого важного вопроса создавались специальные комиссии из мировых судей, от которых требовали подробнейшие ведомости о движении дел. Во время этой работы проявилась неспособность высоких судейских чинов оперативно реагировать на изменения конъюнктуры в сфере системы правосудия, обозначились противоречия между этажами в иерархии организаций ведомства Министерства юстиции, пренебрежение интересов одних другими.

Так, в 1908 г. комиссия мировых судей Барнаульского уезда единогласно приняла решение, в котором настаивала на необходимости увеличения количества участков с 9 до 22. Председатель Томского окружного суда с этим вроде бы согласился, однако, тут же, в переписке с председателем Омской судебной палаты, предложил увеличить штат мировой юстиции Барнаульского уезда не на 13 должностей, как просили судьи, а всего на 4. Его не озадачивало то обстоятельство, что ежегодно каждый судья уезда рассматривал и дел мировой подсудности и следственных дел до трех раз больше нормы. Вообще, по мнению председателя окружного суда (высказано 2 апреля 1909 г.), всей Томской губернии требовалось всего 6 участковых мировых судей и 2 добавочных, и это никак не согласовывалось с количеством поступавших дел [10, л. 29–30, 63–67 об.].

Судейское начальство будто не замечало потребностей мировой юстиции. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» 1895 г., предвещающей введение Судебных уставов в крае, говорилось: многолетний опыт указывает, что в Европейской России судебные следователи «при самых благоприятных условиях и при напряженной их деятельности успевают направлять около 140 следствий в год, а уездные мировые судьи не в состоянии разрешить свыше 1200 дел мировой подсудности» [7, л. 158]. Через пятнадцать лет среди западносибирских судебных чинов использовались завышенные ежегодные нормативы. К ним апеллировал председатель Омской судебной палаты: в городе судебный следователь способен был проводить до 210 производств, мировой судья повсеместно решать до 1500 дел мировой подсудности [4, 3 об.].

Члены Томского окружного суда пошли дальше. Они разработали формулу, согласно которой «городские судьи и следователи, свободные от разъездов, могли разрешать и направлять в полтора раза более дел и следствий», и приходили к выводу о возможности городскими мировыми судьями рассматривать ежегодно 1800 дел мировой подсудности [10, л. 99 об.]. Чиновники окружного суда игнорировали, и, скорее всего, намеренно, тот факт, что в объяснительной записке 1895 г. (в сибирских судебных кругах всегда на нее ссылались) речь шла о судьях Европейской России, никуда не выезжавших. Следовательно, та лишняя треть дел (не 1200, а 1800), которая взваливалась на западносибирских городских мировых судей, являлась сознательно допущенной перегрузкой, ведь прирезать

городской квартал к мировому участку, оперируя нормой в 1800 дел, всегда проще, чем в 1200.

В законе 1911 г. недостаточное внимание к быстрым изменениям сибирских условий, пренебрежение интересами местной юстиции вылились в заведомо незначительное увеличение штата мировых судов. Оно оказалось, по словам Ф.Ф. фон Паркау, «безусловно недостаточным», поскольку опиралось на данные 1908 г., о чем он и докладывал в Министерство юстиции [4, л. 3 об.]. Не составляет труда вычислить количество судей и следователей, потребность в котором возникла только из-за увеличения числа поступающих дел в 1908–1911 годах. Тогда следственных и мировых производств прибавилось: в Тобольской губернии – соответственно на 934 и 8831, в Томской – на 2776 и 36441 [20; 21, с. 206–207, 238–239, 254–255; 22; 23, с. 206–207, 238–239, 254–255]. Деление данных цифр на установленные нормативы (не завышенные сибирские, а на, так сказать, «цивилизованные», принятые в России) показывает, что Тобольской губернии требовалось 15 чиновников, Томской – 50, и это лишь для того, чтобы «обслужить» имевшийся в те годы прирост дел.

Еще до утверждения того закона (в представлениях от 30 ноября 1910 г., 16 и 22 февраля 1911 г.) председатели всех трех западносибирских окружных судов (в 1910 г. в Западной Сибири в дополнение к Тобольскому и Томскому окружным судам устанавливался Барнаульский) спешили предупредить председателя омской палаты о том, что намеченное прибавление состава мирового суда не удовлетворит потребностей. Руководители томского и барнаульского судов говорили о необходимости учреждения в Томской губернии 34 должностей судебных чинов местной юстиции. Председатель тобольского суда предлагал недостаток числа местных судебных чиновников восполнить в губернии введением 26 новых должностей [4, л. 9, 20, 22]. Таким образом, по мнению судебного начальства, дефицит где-то в 25 чиновников закладывался в самом мероприятии 1911 года.

Между тем, и председатели окружных судов слабо представляли истинные нужды мировой юстиции западносибирского края. В этом отношении показательно, что уже 20 июля 1911 г. председатель Барнаульского суда возбуждал ходатайство «об учреждении вновь 29 должностей мировых судей сверх учрежденных в силу закона 28 мая 1911 года» [3, л. 38] «Аппетит» судебного начальника понятен, если знать, насколько увеличение штата удовлетворило потреб-

ности барнаульского округа. В 1911 г. там возникло 56415 дел мировой подсудности и 4403 предварительных следствия. Деление этого количества на «цивилизованные» нормы приводит к заключению: 79 чиновников было необходимо для обеспечения нормальной работы и местных судов, и органов предварительного расследования округа Барнаульского окружного суда. На деле после преобразования 1911 г. в нем действовало 37 участковых, 2 добавочных мировых судьи и 4 судебных следователя (всего 43) [23, с. 206–207, 238–239, 254–255]. Получается, укомплектованность местной судебно-следственной части в барнаульском округе составляла всего 54%! По аналогичным расчетам те же учреждения юстиции округа Томского окружного суда укомплектовались на 68%, Тобольского – на 88%.

Действительно, по материалам официальной статистики наибольшие нагрузки после преобразования испытывали судьи Барнаульского округа, меньшие – Томского, близкие к нормативу – Тобольского [16]. Теперь мировым судьям Тобольской губернии почти удавалось справляться и с вновь возникшими делами, и с прошлогодними. Показатели волокиты снизились даже в Томской губернии. Но отмеченное убавление следует считать относительным: в первых, уменьшилось число уголовных дел (с 62966 в 1911 г. до 45682 в 1914 г. [23, с. 238–239; 24]), что могло быть временным явлением, во-вторых, количество неразрешенных производств, например, на конец 1914 г. означало, что в каждой из оставшихся по тысяче прошлогодних дел, а это весьма высокий уровень волокиты.

Увеличение штата мировых судов не могло коренным образом изменить ситуацию в Томской губернии. Показатели обремененности ее мировой юстиции и после 1911 г. ухудшались. В большинстве мировых участков уголовных и гражданских дел рассматривалось значительно больше нормы [16]. Как и следовало ожидать, в наиболее бедственном положении находились мировые судьи барнаульского округа. Как отмечал один из судебных начальников, после 1911 г., несмотря на увеличение там штата мировых судей, они «в большинстве случаев продолжали находиться в условиях, исключавших возможность основательной и продуктивной работы» [3, л. 47]. Такое положение юстиции приводило к созданию у населения впечатления, что его интересы судебные чиновники игнорируют. В начале 1917 г. председатель Барнаульского окружного суда констатировал, что отношение населения к мировым судьям стало «угрожающе враждебным»,

а положение этих чиновников в сельских районах – невыносимым. Вследствие угроз со стороны населения насильственными действиями в адрес судебных работников они были вынуждены бежать из своих участков. Так, в Змеиногорском уезде из 6 мировых судей осталось только 2 [2].

Между тем, закон 1911 г. «усиливал канцелярские средства» западносибирской мировой юстиции. На эти нужды теперь отпускалось ежегодно дополнительно по 5600 руб. в Тобольской губернии и по 8400 руб. в Томской. Судя по всему, «усиление» оказалось недостаточным. К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на канцелярские расходы было получено 18596 руб., тогда как мировые судьи фактически потратили 26062 рублей [5].

Преобразования сибирской судебной системы начала XX в. позволили почти повсеместно покончить с полифункциональностью мировой юстиции, чем, в основном, и ограничивается их значение. Штат и денежное обеспечение мировой юстиции по-прежнему были недостаточными.

Список литературы

1. Анучин В.Н. Пасынки Феиды // Сибирские вопросы. – 1909. – № 46/47. – С. 36–37.
2. ГАОО (Государственный архив Омской области). Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 60–60 об.
3. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218.
4. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233.
5. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 261. Л. 184 об.
6. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 321. Л. 11, 50–52.
7. ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 37. Д. 875.
8. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1.
9. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 135–139.
10. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 10. Оп. 1. Д. 63.
11. ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–23; Д. 186. Л. 433 об., 461–462.
12. Крестьянников Е.А. Н.В. Муравьев и судебная реформа 1864 г. в Сибири // Вопр. истории. – 2011. – № 12. – С. 149–153.
13. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г.: совмещение функций судьи и следователя в сибирском мировом суде // Мировой судья. – 2014. – № 7. – С. 13–19.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 16. № 12932.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 31. № 35330.
16. Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. – Пг., 1916. – С. 17, 19.
17. РГИА (Российский государственный исторический архив). Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 12–13.
18. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 233. Л. 1, 52, 55–55 об.
19. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 115.
20. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. Вып. 24. Ч. 2. – СПб., 1910. С. 40–41, 48–49.
21. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. – СПб., 1911.

22. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. Вып. 26. – СПб., 1911. С. 206–207, 238–239, 254–255.
23. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. Вып. 27. – СПб., 1912.
24. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. – Пг., 1916. С. 402–403.

References

1. Anuchin V.N. Pasyunki Femidy – Sibirskie voprosy, 1909, no. 46/47, pp. 36–37.
2. GAOO (Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti). F. 25. Op. 1. D. 22. L. 60–60 rev.
3. GAOO. F. 25. Op. 1. D. 218.
4. GAOO. F. 25. Op. 1. D. 233.
5. GAOO. F. 25. Op. 1. D. 261. L. 184 rev.
6. GAOO. F. 25. Op. 1. D. 321. L. 11, 50–52.
7. GAT (Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske). F. 152. Op. 37. D. 875.
8. GAT. F. 152. Op. 37. D. 904. L. 1.
9. GAT. F. 158. Op. 2. D. 371. L. 135–139.
10. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti). F. 10. Op. 1. D. 63.
11. GATO. F. 10. Op. 1. D. 139. L. 1–23; D. 186. L. 433 rev., 461–462.
12. Krestyannikov E.A. N.V. Muravev i sudebnaya reforma 1864 g. v Sibiri Vopr. istorii, 2011, no. 12, pp. 149–153.
13. Krestyannikov E.A. Sudebnaya reforma 1864 g.: sovmeschenie funktsiy sudi i sledovatelya v sibirskom mirovom sude Mirovoy sudya, 2014, no. 7, pp. 13–19.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Collection. III. Vol. 16. no. 12932.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Collection. III. Vol. 31. no. 35330.
16. Prilozhenie k sborniku statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1914 g. Pg., 1916. pp. 17, 19.
17. RGIA (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv). Kolleksiya pechatnykh zapisok. No 101. Otchet o sostoyanii Tobolskoy gubernii za 1909 g. P. 12–13.
18. RGIA. F. 1158. Op. 1. D. 233. L. 1, 52, 55–55 rev.
19. RGIA. F. 1405. Op. 542. D. 254. L. 115.
20. Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1908 g. Issue. 24. SPb., 1910. pp. 40–41, 48–49.
21. Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1909 g. Issue. 25. SPb., 1911.
22. Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1910 g. Issue. 26. SPb., 1911. pp. 206–207, 238–239, 254–255.
23. Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1911 g. Issue. 27. SPb., 1912.
24. Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii za 1914 g. Issue. 30. Pg., 1916. pp. 402–403.

Рецензенты:

Пашин С.С., д.и.н., профессор, профессор кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет, г. Тюмень.

Скипина И.В., д.и.н., профессор, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, Тюменский государственный университет, г. Тюмень.

Работа поступила в редакцию 29.12.2014.